

УДК 323 + 342/71

Ирина Борисовна Фан

доктор политических наук,
старший научный сотрудник
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург
(343) 374-32-27 Irina-fan@yandex.ru

АПАТИЯ ВМЕСТО ЖАЖДЫ: СВОБОДА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНИНА

В статье рассмотрена мера эгалитарного (равенства, справедливости) и элитарного (свободы) в политической и правовой культуре россиян и политических и правовых институтах и практиках. Проанализированы процессы формирования и функционирования российской элиты, ее взаимодействия с обществом (гражданами), а также проблемы политического и правового неравенства.

Эгалитаризм, элитаризм, свобода, равенство, справедливость, гражданин, элита, правосудие.

Вопрос о соотношении эгалитарного и элитарного начал в жизни современного российского гражданина связан с осмыслением меры равенства, свободы, справедливости как в представлениях россиян, так и в функционировании политических и иных институтов. Это требует анализа реализации формальных и неформальных норм в конкретных практиках взаимодействия органов государства (правлящей элиты) и граждан. Такой анализ позволит сравнить статус рядового россиянина и представителя элиты, выявить основы правового и политического неравенства, определить перспективы становления справедливого политического режима в нашей стране. Реализуется ли в России конституционный формально-правовой статус гражданина для всех, кто по паспорту является гражданином РФ? Насколько он универсален, есть ли различия в объеме и спектре прав гражданина в отношении представителей органов государственной власти и остальных граждан? Ответ на эти вопросы требует выявления факторов, лежащих в основании правовой и политической систем российского общества. Один из вариантов такого исследования – подход на основе разрабатываемой нами методологии социокультурного анализа [10, с. 153-155].

Эгалитаризм как явление ментальное – это степень представленности в общественном и индивидуальном сознании установки на

достижение равенства и справедливости. Но это еще и мера реализации данной установки в политических и правовых институтах и практиках различных социальных субъектов. В либерально-демократических обществах справедливость понимается как высшая степень согласованности различных интересов, воплощенная в такой политической системе, при которой соблюдаются условия для достижения максимума свободы для возможно большего числа индивидов; это равенство в свободе по универсальному закону. Существуют и другие религиозные, идеологические и иные варианты понимания и институционального осуществления равенства и свободы. Наибольшая вероятность практического воплощения эгалитаризма связана с достижением формально-правового равенства и справедливости в сфере права. Политическое равенство в рамках Модерна связано с универсальностью конституционного статуса гражданина в национальном государстве, с реализацией всех политических прав каждым гражданином.

Под элитаризмом мы подразумеваем установку на социальную селекцию, отбор лучших (по конкретно историческим параметрам) представителей общества для выработки ценностных смыслов, стратегических целей и средств развития конкретного общества, для управления обществом и государством. Элитаризм воплощается в конкретных социокультурных практиках и институтах формирования, функционирования и смены элиты, прежде всего правящей, и ее взаимодействия с обществом. В демократических обществах социальная селекция происходит на основе принципов свободы личности, ограниченной законом, как результат процессов самоорганизации и вертикальной мобильности, при которых шансы каждого на инкорпорацию в элиту определяются не столько происхождением, богатством или местом индивида во властной иерархии, сколько личными достижениями, профессиональными качествами, навыками, опытом. «Суть свободы индивида заключается в возможности отклониться от традиционного образа мыслей и действий. Централизованное планирование препятствует планированию со стороны индивида», – утверждал Л. фон Мизес [6, с. 274]. Элита – доминирующий социальный слой, состоящий из специализированных групп (экономических, политических и т.д.), интегрирующихся вокруг группового интереса, с одной стороны, и конкурирующих между собой, с другой. Эти группы контролируют значительную часть общественных ресурсов, влияют на формирование политики во всех сферах общества. Элитарность связана с эффективностью элиты в управлении обществом в целях достижения общего блага. Она зависит от комплекса условий: систематического действия социальной селекции на основе ясных критериев, наличия социальных лифтов, вертикальной мобильности, доступа в элиту, открытости ее для общественного контроля, честной конкуренции, юридической,

административной, политической ответственности элиты. Главным критерием эффективности элиты является достигнутый в результате управленческой деятельности уровень развития общества и государства, качество решения социальных и политических проблем.

Политический проект Модерна требует установления баланса между эгалитарным и элитарным принципами, который достигается в рамках конструкции правового государства и гражданского общества. Важна в этом роль медиативных структур, опосредующих взаимодействие социальных групп, правящей элиты и общества и способствующих выработке согласия по важным социальным проблемам. Верховенство правового закона распространяется и на представителей органов власти. Они – граждане, юридически равные в правах и обязанностях с другими гражданами, но в качестве публичных лиц должны нести дополнительную ответственность перед обществом.

Возможность реализации принципа верховенства права (правового эгалитаризма) на российской почве обусловлена традиционными и современными представлениями россиян о праве, государстве, правовом равенстве и справедливости, воплощенными в осознанных и не осознаваемых практиках и институтах. В российской истории устойчивые представления о верховенстве права и равенстве перед законом не стали основой правовых и политических институтов и поведения людей. В политико-правовой системе современной России функционируют два ряда институтов – официальные и фактические, неправовые, действующие из-за фасада первых. Не абстрактное понимание лица, а в зависимости от его социального статуса и места во властной иерархии. Отсутствие правовых традиций и механизмов представительства, корпорации и компетенции на практике ведут к тому, что в государственных отношениях России действует не равное для всех, абстрактное право как единая система, а право – как произвол конкретных личностей. Исторические примеры такого «права» – произвол одного лица в Российской империи и произвол высшей партийной бюрократии в СССР. В настоящее время лица, призванные представлять тот или иной орган юридического лица «государство» или юридического лица «фирма», не всегда отделяют собственную персону от ресурсов данного учреждения и рассматривают его как частную собственность или средство обмена личными услугами с представителями других органов государства или фирм.

Официальные институты российского государства имитируют демократическую политическую систему, реальные функции управления и распоряжения ресурсами исполняют неформальные структуры, действующие вне рамок права и подчиняющиеся конкретным лицам, их союзам, кланам, «группам влияния», «домашним группам» на разных уровнях власти. Аппарат государственной власти

внешне воспроизводит свойства структуры, но пределы компетенции и ответственности должностных лиц юридически не определены. Разделение властей остается декларативным. Власть не ограничена правом и не контролируется обществом. Представительство, корпорация и компетенция лиц осуществляется неправовыми способами. Реальное существование данных феноменов проблематично. Там, где отсутствуют корпорации, невозможно установить круг лиц, участвующих в формировании коллективной воли. Вместо волеизъявления корпорации (в том числе государства) в России действует произвол конкретной личности, обладающей властью или произвол приближенных к ней лиц под ее именем. Коллективная воля объединений лиц в России формируется, как правило, на основе неправовых критериев. Санкционирующая воля вышестоящего государственного органа и должностного лица для представителей нижестоящих органов является лишь директивой, но не обязывает к исполнению в юридическом смысле. Исполнение этой воли может достигаться лишь принуждением. Вместо представительства как юридически связывающего делегирования прав в Российской империи представительство осуществлялось посредством доверия, эта практика не подразумевала юридических ограничений. В настоящее время президент вводит меру увольнения чиновников «в связи с утратой доверия». Что это, как не возвращение архаических практик?

Российское мышление и культура строятся на основе не рациональных, правовых, а аксиологических принципов. Право и этика содержательно не разделены. Различия между ними имеют внешний характер: специфика правовых норм заключается в том, что они исходят от власти законодателя, но законодатель у нас полностью зависит от исполнительной власти, не автономен. На протяжении российской истории исключительно этические нормы могли связывать и ограничивать действия верховной власти, но эффективность этого регулятора была крайне низкой. Действия чиновника оцениваются общественным мнением не как действия абстрактного лица, представляющего тот или иной орган государства, а с точки зрения этических представлений о должном поведении идеального чиновника. Нет различия между поведением человека как конкретной частной личности и его поведением как должностного лица. При исполнении должности чиновник ведет себя как частное лицо, внешне играя роль лица должностного. В России до недавнего времени не было дифференциации между государством, отвечающим за право, и обществом, отвечающим за этическую регуляцию общественных отношений.

В России принцип верховенства права был и остается этической ценностью, не обязательной для исполнения, юридически не связывающей ни власть, ни граждан. Здесь никогда не действовало

право, отделенное от власти. Принципы уравнивающего граждан права не применялись в качестве основы для регулирования межличностных, общественных и государственных отношений. В массовой культуре у нас доминирует тенденция инверсии должного и сущего, утопии и реальности. Разочарование в какой-либо утопии порождает ее отрицание и нигилизм, бунт, анархию, и так – до рождения следующей утопии. Постепенного сближения, медиации культурных проектов и реальности не происходит. Опосредованность отношений между любыми социальными субъектами отношениями с органами государства не дает достаточной автономии местным сообществам и альтернативным политическим субъектам.

Формально реформа правовой системы в России завершена, но фактически между принятыми законами, учрежденными институтами и реальным функционированием правовой системы в России, определяющими наличный правовой статус и конкретные права частных лиц, выявляется системное несоответствие. В последние годы усилилась регулирующая роль государства и сузилась самостоятельность субъектов частного права. Правоохранительная система не является универсальным инструментом достижения формальной справедливости для всех. Результаты исследования общественного мнения о состоянии российской судебной системы и месте правовых отношений в общественной жизни показывают следующее. Люди осознают, что «юридические службы работают на «хозяина, прежде всего – на государство, затем – работодателя и других влиятельных клиентов» [3, с. 8], а интересы и права частного человека правоохранительные и судебные органы по правовым основаниям или соображениям справедливости защищать не будут. В обществе с традиционалистской бюрократией и иерархической социальной структурой кодом социальности является не право, а лояльность к «своим».

Механизмы регуляции посредством формальных норм закона не работают, пока не подключена активность вышестоящих, для которых ты «свой». Законы и право работают по заказу, избирательно, в зависимости от социального статуса индивида, его отношения к властной иерархии. Правовая и политическая культура разных социальных групп существенно отличается. Есть категории лиц, готовые часто обращаться в суд. Однако довольно большая группа населения относится к суду как институту, обслуживающему интересы властных либо богатых, с которыми рядовому гражданину сложно иметь дело. 49% респондентов уверены, что они не в состоянии защитить свои интересы и права в суде, 12% затруднились с ответом, то есть 61% людей скептически воспринимает суд [3, с. 9].

Большинству граждан присуще неверие в то, что суд будет отстаивать права обычного человека так же, как он бы это делал в отношении прав «начальства». В сознании людей устойчив стереотип

о негласном запрете судиться с государством или должностными лицами. За этим стоит нигилистическое отношение к судебной системе и ее эффективности, неверие в собственные способности добиться справедливости, как и в солидарные действия людей с похожими проблемами и нарушениями прав. Респонденты считают, что спор с частными лицами или представителями ведомств, должностными лицами и организациями требует разных линий поведения. Только 25% опрошенных готовы довести дело до суда, остальные предпочитают улаживать конфликты либо путем легальным («договориться»), либо нелегальным. Ради защиты политических, интеллектуальных и хозяйственных прав многие вообще предпочитают не ходить в суд. Выделяются разные причины отказа от обращения в суд: 1) есть способы решения конфликта без суда – 22%; 2) бесперспективность суда для респондента (нет справедливой компенсации потерпевшим даже в случае выигранного дела); 3) высокая затратность суда (денежная, временная, нервная и т.д.); 4) коррупционные или криминальные моменты; 5) неверие в справедливость суда – около 26%. Недоверие большинства населения к судебной системе детерминируется отсутствием независимости судов от власти и неподконтрольностью обществу. Однако это недоверие основано не на опыте, а на устойчивом социальном предубеждении, негативном представлении о характере и возможностях судебной системы, ее равнодушии к интересам и правам «простых граждан».

Правовой культуре людей присущ разрыв между представлением о том, как должна быть устроена судебная система, и как она действительно работает [3, с. 14]. Правовой нигилизм и недоверие к суду сочетается с представлением об использовании правовых институтов исключительно в интересах власти – для перераспределения собственности, защиты бюрократов, борьбы против правозащитников и оппозиционеров. Юридический пессимизм населения мешает видеть возможность изменения этого положения дел. Борьба с несправедливостью воспринимается как обреченная на поражение и удел отдельных «городских сумасшедших». Население ощущает, что причиной многих преступлений и несправедливости в обществе является произвол власти, состояние законодательства (доминирование подзаконных актов, ведомственных инструкций, внутрикорпоративных негласных правил жизни над собственно законами) и правоприменительная практика, ориентированная на интересы власти.

Одна из самых устойчивых установок – беспомощность обычного человека перед государством или должностными лицами, его незащищенность и бессилие что-либо изменить. Собственные погрешности перед законом население оправдывает систематическими и более масштабными правонарушениями со стороны властей, их безнаказанностью. Эффективной работе судов препятствует и отсутствие равенства сторон в судебном процессе, заведомое преиму-

щество чиновников перед рядовыми гражданами – 25% [3, с. 23]. Однако и остальные факторы – взяточничество, коррупция судебных работников (56%), зависимость суда от власти и влиятельных лиц (46%) препятствуют установлению формально-правового равенства граждан и правового государства в России. Вера в право, справедливость, возможность непредвзятого правосудия присутствует в культуре россиян в качестве представления о должном, которое абсолютно не реализуемо в ближайшее будущее и противоречит практической жизни. Граждане редко считают себя и являются фактически правовыми субъектами. Развитие правовой культуры блокируется недоверием к суду и государству, которое формируется опытом коллективной жизни в условиях массового бесправия и произвола власти.

Законодательные нормы РФ, касающиеся публично-правовых обязанностей властных структур, приводящих в действие механизм ограничений прав и свобод человека и гражданина в России и обеспечивающих условия его реализации, лишены необходимой конкретности и дифференцированности, допускают их произвольное толкование и не предусматривают юридических механизмов исполнения. То же относится и к нормам о допустимости публичного вмешательства в процессы реализации человеком его прав и свобод, ответственности должностных лиц и органов государства перед гражданами. Законодательство и правоприменительная практика допускают лишь избирательную ответственность отдельных чиновников-изгоев, но в целом стоят на страже безнаказанности злоупотреблений и прямых преступлений должностных лиц. Традиционным основанием системы власти в России, порождающим политическое, правовое и социальное неравенство, является «правовой иммунитет российской власти» [7, с. 169]. Суды общей юрисдикции не выдерживают баланса между свободой выражения мнения и необходимостью защиты достоинства личности, отдавая зачастую необоснованное предпочтение гражданско-правовому институту чести, достоинства и деловой репутации в ущерб конституционной свободе мысли и слова. Этот правовой институт чаще всего используют должностные лица. В России отсутствует развернутый комплекс федеральных законов, направленных на защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина [1, с. 11].

Обратимся к реализации элитарного начала. При анализе российской элиты необходимо учитывать несоответствие названия и сути явления. Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин и Ю.А. Левада называют это социальное образование околоставными кругами, аудиторией власти, «полусветом полицейского режима», поскольку ни одной из функциональных ролей элиты оно не выполняет [2, с. 75]. Российская квазиэлита, составляющая 10-15% населения, это слой специалистов, обслуживающих авторитарное руководство, заместитель со-

ветской интеллигенции. В комплектовании этой «назначенной элиты» участвуют лишь государственные органы. По сути это государственная бюрократия, несколько трансформировавшаяся в постсоветском контексте. Она не обладает никакой самостоятельностью и не призвана к реализации общественно значимых целей, не имеет собственной воли и функций целеполагания, обсуждения или критики политики. Такая «элита» обеспечивает отраслевое директивное управление, кадровый контроль, легитимацию политического режима путем ограничения свободы информации, пропаганды, пиара, убеждения. Подобно свирепому стражу Церберу, этот слой, имитируя посредничество и коммуникацию, фактически изолирует власть от общества. Главная функция такой «элиты» – сохранение нынешнего режима власти с помощью инструментального поддержания определенной управляемости общества. Такой слой имеет непубличный, закрытый характер, механизм его социальной селекции в состав «элиты» непрозрачен.

Комплекс качеств российской «элиты» детерминируется ее зависимостью от верховной власти. С середины 1990-х гг. власть сумела вторично переподчинить едва обретающую свободу и самостоятельность общество путем формирования выгодного ей законодательства (в том числе избирательного) и реальной политики, направленной на подавление общественного представительства, ослабление общественных движений, политических партий, ограничения свободы СМИ, опоры на силовые структуры, усиления вмешательства государства в экономику. В настоящее время власть с помощью «элиты» всячески глушит стремление общества к формированию разнообразных каналов и механизмов селекции элиты путем отбора лидеров из разных областей жизни, обладающих значительным творческим и инновационным потенциалом, способных вносить проекты обновления соответствующих сфер общественной жизни в целях развития общества. Декларируя необходимость развития «кадрового резерва» и «социальных лифтов» для молодежи, корпоративно-олигархическая власть на деле воспроизводит советскую по происхождению систему «назначения элиты», действующую по номенклатурному принципу.

Функции элиты власть возлагает на околоставные группы, которые лишены необходимых ресурсов, а потому не способны повести страну по пути модернизации. Снижается уровень управленческой компетентности данных групп. Это связано и с реальным прекращением реформ 1990-х гг., и с притоком в околоставные группы представителей силовых и репрессивных органов власти, для которых главным средством решения социальных проблем является принуждение или прямое насилие. Нынешний политический режим держится не только на исторически заложенном страхе населения перед потенциальным насилием или перед публичным выра-

жением индивидуального мнения, но и на массовой апатии и реальном отчуждении населения от политики, его неверии в возможность какого-либо участия в решении своих проблем, даже минимального влияния на принятие важнейших политических решений. Лояльность окол властных групп центральному руководству обеспечена приближенностью к власти и вытекающими из этого привилегиями и выгодами. Такие группы исполняют «высшую волю» ценой отказа от собственной политической воли и автономии и ценой подавления этих качеств в массах. Они блокируют институты и механизмы представительства публичных и групповых интересов, существенно ограничивают публичное обсуждение социальных проблем и политических решений.

Постсоветская квазиэлита – продукт селекции определенных человеческих типов. В нее отбирается «тип безынициативного приспособленца», лишенного каких-либо достоинств, который выступает «клеем», связующим элементом власти и массы [2, с. 200]. Этот тип характеризует принципиальная неспособность на выдвижение стратегических целей развития, выработки программных альтернатив развития страны, готовность к подчинению, нацеленность исключительно на обслуживание власти и интересы самовоспроизводства. Ему свойствен прагматизм, показная преданность хозяину, носителю «государственной воли», готовность показать знание или отбросить любые идеологические принципы в зависимости от политической конъюнктуры, умение симулировать занятость, казаться «государственником» и «патриотом», цинизм, аморализм, корыстолюбие. Все, кто способен помешать интересам элиты, нейтрализуются как конкуренты. Номенклатурная «обойма» выдавливает из своей системы все иные социальные типы как «чужаков». «Приспособленец» является носителем господствующей политической культуры, он связывает все другие социальные и политические роли в систему власти и авторитарный режим. Квазиэлите чужды идеи деэлитизации, высвобождения общественной самоорганизации, признания необходимости автономии общественных сил, политической конкуренции. Выступая в качестве мировоззренческой основы квазиэлиты, элитизм препятствует утверждению ценностей свободы выбора, ответственности, разнообразия и самостоятельности политических акторов, необходимости реальных механизмов представительства и согласования интересов.

Отсутствие отбора достойных в элиту, с одной стороны, и механизмов представительства, с другой, – факторы все большего отдаления правящей группировки и общества друг от друга. Утверждаемая квазиэлитой идея безальтернативности власти, временно легитимирующая данный режим, принижает человеческий, лидерский и политический потенциал российского общества. Это слабая легитимация, она действует лишь пока общество верит в навязыва-

емые ему негативные оценки, в бессилие и неспособность что-либо изменить. Власть и ее «приводные ремни» не только отстраняют собственных критиков и слабых претендентов, но и препятствуют формированию политического и правового сознания общества и условий для развития даже потенциальных политических конкурентов. Цель сохранения монополии правящей группировки – это вопрос самосохранения зависимой от нее квазиэлиты и консервации привилегий. Осуществляемая элитой практическая политика не учитывает дифференциации общества, его потребностей, неэффективности централизованного управления в ущерб местному и территориальному самоуправлению, необходимости опоры на множество социальных и политических субъектов. Экономика и общество находятся в плену у государства, приватизированного квазиэлитой. Собственные частно-корпоративные интересы она рассматривает в качестве государственных. Обособления элиты от государства не произошло. Руководители бизнеса, масс-медиа, деятели науки и искусства, экспертные сообщества, способные к разработке стратегии развития страны, оттеснены от публичной сферы и принятия политических решений, находятся под давлением властей. Однако политика, ограниченная исключительно целями самосохранения элиты, рано или поздно приводит к противоположному результату.

Замкнутость квазиэлиты обусловлена стремлением сохранить «тайну власти» – владения ресурсами общества как будто по праву, заслуженно, на основе исключительных личных или профессиональных качеств, а также нежеланием поступиться частью функций и полномочий, привилегий и властных ресурсов. Открытый для более широкого круга претендентов доступ в элиту потребовал бы коренного изменения политического режима и условий функционирования данного слоя. Неминуемо бы возник вопрос о способах прихода к власти нынешней элиты, о механизмах приватизации власти-собственности, об ответственности должностных лиц за исполняемые обязанности не перед вышестоящими лицами, а перед представительными органами государства и обществом. Зависимое и неустойчивое положение квазиэлиты определяет ее социальную неуверенность, стремление быстро приватизировать ресурсы общества, страх перед волей верховной власти и непредсказуемостью социально-политической ситуации в стране.

Элитарное начало в России реализуется специфическим образом. Высшие управленческие функции и статус приобретается в силу близости к формальным и неформальным властным структурам. Это «элитарность» симулятивная, нелегитимная, самозванная, зависимая от верховной власти, несвободная, трусливая, лицемерная, безответственная. Российская элита целенаправленно монополизировала и перекрыла все возможные пути вертикальной мобильности и каналы инкорпорации в элиту, особенно политическую: политиче-

ские выборы, партии, общественные движения, оппозицию, систему образования и науку. В результате возможность демократической смены первых лиц государства от власти легальным путем отсутствует. Выборы превратились в ритуал, фикцию. Первые лица «выбираются» внутри узкой группы правящей элиты неформальным и не прозрачным для общества способом. В структуре государственного управления переплетены два ряда формальных и неформальных институтов, напоминающих времена опричнины. Политический режим и система сегодняшней России характеризуются как кланократия (вместо республики) с соответствующими признаками – наличием вождя, опорой на ресурсы клана, системой одаривания, внепубличностью. Утвердились механизмы отрицательной селекции, на высокие государственные должности назначаются люди, обладающие не самыми высокими интеллектуальными и организационными качествами и не способные составить конкуренцию первым лицам действующей власти. Поскольку этот механизм действует одинаково по всей «вертикали», «общество не получает лидеров» [8, с. 3].

Российскую элиту можно рассматривать и чисто функционально – как верхушку правящего класса. «Кланы, клики, стратегические группы и группы давления, внутренние партии, обоймы образуют неформальную структуру элиты» [4, с. 81]. Корпоративно-олигархический или клановый политический режим основан на сложном переплетении разных форм слияния власти и собственности. После 1991 г. государство оказалось в руках крупных собственников, после 2000 г. вся значительная собственность в стране начала контролироваться госчиновниками. Соответственно менялся и режим инкорпорации в элиту. Мобильность элиты включает три фазы – инкорпорацию, ротацию и экскорпорацию. Специфические отличия элитной мобильности в России заключаются в действии ряда факторов: 1) высокой конкуренции между кандидатами на должность; 2) неопределенности требований к кандидатам; «связи и случай тут решают больше, чем интеллект, знания и умения»; 3) большая регламентация мобильности; наличие институтов кадрового резерва и резервации для отставных членов; отсутствие открытых конкурсов на замещение вакантных должностей; 4) эзотерические внутригрупповые нормы любых перемещений кадров; 5) неформальная капитализация чиновников [4, с. 101-102].

Открытие элиты во время перестройки и установление выборов в качестве механизма инкорпорации в элиту к эпохе В.В. Путина сменяется реставрацией моноцентрического устройства государства, закрыванием элиты, выхолащиванием демократии, политическим отчуждением населения. Нынешний режим ликвидировал самостоятельность таких центров власти как Государственная дума, Совет Федерации, региональные элиты, правительство, демократическая оппозиция, бизнес-элита, СМИ и установил прямое правле-

ние президента, а затем монополию узкой околопрезидентской группы на власть. Прямое следствие этих мер – правовое, политическое и социальное неравенство. Восстановление бюрократической вертикали власти сопровождается уничтожением большинства «социальных лифтов» как механизмов инкорпорации представителей общества в элиту, и в первую очередь свободных выборов как механизма формирования системы представительства и парламента. Установилась милитократия, сочетающая номенклатурные процедуры назначения в элиту и мобилизацию военных в госслужащие.

Государство расширило свои контролирующие функции вплоть до поглощения частного бизнеса, а от функций, стимулирующих развитие общества, избавилось. Внутриэлитные процессы приобрели архаичный характер, как и способы инкорпорации на основе родственных, земляческих, кланово-корпоративных связей и отношений личной преданности. Передача привилегированного статуса (преемничество) – факт обычного права элиты, не легитимного, а воспринимаемого чиновничеством в качестве естественного. Верховную власть осуществляет узкая группа лиц (стратегическая элита), составляющая путинское «Политбюро». Данный режим носит неформальный характер, хотя использует официальные политические институты, но опирается именно на неформальную группу с высокой долей представителей силовых структур.

В России восстановилась традиционная система власти и управления, прячущаяся за фасадом квазисовременных политических и правовых институтов и идеологий. Она опирается на доминанту исполнительной власти, по сути являющейся властью-собственностью, сохраняющей существенные черты «вотчинного самодержавия» (Ю.М. Афанасьев), сложившегося в эпоху Московского царства. Одной из глубинных основ этакратизма как несправедливого политического устройства российского общества является система «власти-собственности» [11, с. 6]. Она препятствует экономической и политической модернизации общества, благоприятствует процветанию «торгового капитала» за счет всех иных видов капитала. Отсюда множество диспропорций в экономике, политике, социальной структуре, приводящих к вопиющему социальному неравенству, к дисфункциям в структуре профессиональной специализации, общественной оценке престижности видов высшего и среднего профессионального образования, в экономической оценке того или иного труда. Все это приводит к уменьшению социального многообразия – ограничению значимых общественных потребностей, сужению числа социальных лифтов, возможностей карьеры для молодежи, развитию массовой культуры ценой ограничения развития всякой иной культуры, способной вырабатывать критерии формирования элиты, отвечающие целям обновления политической системы.

Один из показателей социального неравенства – степень устойчивости и развития среднего класса. Исследования показывают, что российский средний класс (точнее, средние слои) не растет, а стагнирует. Причина этого – отсутствие экономической среды, способствующей развитию малого бизнеса. Увеличение неравенства за счет более высоких темпов роста доходов 20% наиболее обеспеченной части населения приводит к тому, что общего роста реальных доходов не хватает для расширения среднего класса [9, с. 68]. Последние 20 лет в России действуют такие неформальные политические и экономические правила перераспределения ресурсов, благодаря которым осуществляется чрезвычайная концентрация доходов у 10-20% населения.

Общественное сознание фиксирует несправедливость нынешнего политического и социального строя. Однако ощущение несправедливости фрагментарно и ситуативно. Шагов от глухой критики к выражению практической потребности в конструировании проекта будущего ни одна из групп общества не совершает. Мы разделяем позицию, в соответствии с которой оправдать и мотивировать необходимые изменения «может лишь претензия субъекта на справедливость», и по которой «дискурс справедливости – «утопия, будущее «общее благо» [5, с. 185]. Отсутствие активного социального заказа на проект справедливого и свободного общества вследствие социальной апатии населения и нежелания властной элиты признать собственный режим управления несправедливым и не допускающим свободы реформировать его и «поделиться властью», воспроизводит существующее положение вещей. В результате интеллектуальная элита сдерживает развитие соответствующих проектов, ценности и идеи справедливости и свободы не попадают в поле публичной политики, не рассматриваются в качестве основ практически достижимого будущего. Однако это живые ценности, и это повод для исторического оптимизма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Астафичев П.А.* Механизм ограничений прав и свобод человека и гражданина и проблемы его совершенствования // Конституционное и муниципальное право, 2011. Вып. 1. С. 7-11.
2. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А.* Проблема «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. 372 с.
3. *Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н.* Российская судебная система в мнениях общества // Вестник общественного мнения, 2010. № 4(106). С. 7-43.
4. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
5. *Мартыанов В.С., Фишман Л.Г.* Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.: Весь мир, 2010. 256 с.
6. *Мизес Л.* Теория и история / Пер. с англ., под ред. А.Г. Грязновой. М.: ЮНИТИ, 2001. 296 с.

Фан И.Б. Апатия вместо жажды: свобода и справедливость
в жизни российского гражданина

7. *Пастухов В.Б.* Бес права. Русское право как ускользающая реальность // *Полис*, 2011. № 2. С. 162-171.

8. *Пригожин А.* Час икс: Возрождение республики // *Ведомости*, 2011. 12 сент. № 170(2936).

9. *Самсон И., Красильникова М.* Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф? // *Вестник общественного мнения*, 2010. № 4(106). С. 61-72.

10. *Фан И.Б.* Теоретическая модель феномена гражданина: социокультурный подход // *Полис*, 2010. № 6. С. 149-161.

11. *Шкаратан О.И.* Становление постсоветского неозакратизма // *ОНС: Общественные науки и современность*, 2009. № 1. С. 5-22.

RESUME

Irina Borisovna Fan, Doctor of Political Science, senior researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343) 362-81-37 Irina-fan@yandex.ru

Apathy instead of Thirst: Freedom and Justice in the Life of Russian Citizen

The article considers the limits of implementation of the equality, justice and freedom in Russian political and juridical culture, social institutes and practices. The author analyses the processes of shaping and functioning of Russian elite, its interaction with society, as well as the problems of political and juridical inequality.

Материал поступил в редколлегию 03.10.2011 г.